

О переводчике

Пруст Марсель. В поисках утраченного времени: В сторону Свана: Роман / Пер. с фр. А. А. Франковского.-- СПб.: Сов. писатель, 1992.

OCR Бычков М. Н.

Среди русских мастеров перевода западноевропейской классической прозы видное место принадлежит Адриану Антоновичу Франковскому.

Сохранившиеся биографические сведения о нем чрезвычайно скудны. Родился он в 1888 году в местечке Лобачев Киевской губернии. В 1911 году окончил историко-филологический факультет Петербургского университета. Преподавал в средних учебных заведениях и в Учительском институте Ленинграда, преобразованном в 1918 году во 2-й Педагогический институт. С 1924 года -- профессиональный литератор. Заслуженную известность ему принесли переводы, сохраняющие и доныне свою художественную ценность. Жил он все время в Ленинграде.

Франковского как художника слова привлекали произведения масштабные и трудные для перевода. Он в полной мере владел искусством передавать своеобразие манеры иностранного писателя, колорит времени и места. Выступал он и как автор вступительных статей к своим переводам и комментариев -- отличала его и огромная эрудиция.

Из английских прозаиков XVII--XVIII веков он переводил Дж. Свифта, Г. Филдинга, Л. Стерна, из французов XVIII века -- Д. Дидро, из авторов уже нашего столетия -- Р. Роллана, Андре Жида, М. Пруста. Именно инициатива перевода Марселя Пруста -- важная заслуга Франковского: еще в конце 1920-х годов он опубликовал в своем переводе первую часть романа-эпопеи "В поисках утраченного времени" -- "В сторону Свана". А в 1930-х годах с участием Франковского и как переводчика и как редактора начало выходить Собрание сочинений Пруста. Первый и третий тома ("В сторону Свана", 1934, и "Германт", 1936) вышли в переводах Франковского.

К работе над изданием он привлек и автора этих строк: я перевел том второй ("Под сенью девушек в цвету", 1935) и четвертый ("Содом и Гоморра", 1938).

Насчет принципов перевода расхождений у нас не было. Мы считали невозможным упрощать, сглаживать, облегчать стиль Пруста, делать его более "приятным", чем он есть, и, прежде всего, старались нигде не нарушать единство больших по объему и сложных по сочетанию частей, предложений, часто -- необычных для французского языка, но составляющих неотъемлемую черту оригинала и отражающих характер творческого мышления: каждое из них соответствует целостному комплексу мыслей, деталей, образов, конкретной ситуации -- определенному отрезку действительности. А суждения писателя всегда отчетливы и логичны.

Я бывал у Адриана Антоновича дома. У него не было семьи, жил он один -- в большой коммунальной квартире в центре города. Обстановка в его комнате ограничивалась самым необходимым: вместо письменного стола -- старинная конторка, за которой работать приходилось стоя, диван, стулья, книжные полки -- все строго и просто.

Франковский, насколько я себе представляю, всецело поглощён был своим трудом переводчика и комментатора, но не был он ни отшельником, ни затворником. Он посещал музеи, выставки, концерты, появлялся в Доме писателя. Хотя внешне он производил впечатление человека мрачноватого, вроде бы и нелюдимого, был немногословен, но общение любил.

Однажды -- в конце 1930-х -- дома у себя он мне читал отрывки из перевода пятой части прустовского романа -- "Пленница", над которым тогда работал. Здесь он достиг исключительного совершенства: фраза лилась как-то особенно гармонично -- при всей своей амплитуде. Этому переводу не суждено было тогда увидеть свет. Книга была набрана и заматрицирована незадолго до войны, но типографский экземпляр и матрицы были утрачены. Все издание осталось незавершенным. И все же -- чудом -- сохранилась машинопись "Пленницы" {Эта работа А. Франковского в настоящее время готовится к печати нашим издательством.-- *Ред.*}.

А погиб сам Адриан Антонович так, как в первую блокадную зиму погибали сотни тысяч ленинградцев. В книге-справочнике В. Бахтина "Ленинградские писатели-фронтовики" (Л., 1985) в разделе о "штатских" блокадниках датой смерти Франковского назван 1942 год без указания месяца и числа. Можно уточнить: 13 февраля. В сильный мороз он возвращался из Дома писателя после скудного обеда и, потеряв силы, упал на углу Литейного проспекта и улицы Салтыкова-Щедрина. Случилось так, что в тот момент мимо проходила жена Б. М. Энгельгардта, известного ученого-литературоведа. Она,